

06.01.

Маяковский Владимир

● СТОЛИЧНЫЕ СТРАСТИ

Последняя пуля для первого поэта

Аргументы и факты
- 2008 - июль
(№24) с. 19

БЫЛЬ И НЕБЫЛЬ 19

ЗА ДЕСЯТЬ минут до смерти Маяковский смеялся. Тихо и нежно. "Девочка, у тебя есть деньги на такси?" - спросил он Веронику Полонскую, актрису МХАТа, с которой только-только закончил выяснять отношения и, кажется, понял, что она никогда не будет ему принадлежать, хоть и клятвенно обещала в тот же день уйти от мужа, в будущем знаменитого актера Михаила Яншина, и навсегда перебраться к Маяковскому. - Нет? Ну так возьми двадцать рублей. А вечером я тебе позвоню".

ПОЛОНСКАЯ положила деньги в сумочку и торопливо направилась к двери. Она и так опаздывала: в половине одиннадцатого у нее была назначена репетиция с Немировичем-Данченко, а на часах в коридоре было уже 10.15. От Лубянки до Камергерского минут двадцать на машине. "Но Владимир Иванович поймет меня", - успокаивала себя актриса и вдруг вздрогнула: в комнате поэта раздался выстрел...

Переполох

ЧЕРЕЗ полчаса и квартиры, и лестничные клетки, и весь двор дома в Лубянском проезде были заполнены энкаведэшниками. В коридоре стояла заплаканная квартирная хозяйка, в который раз безуспешно пытаясь войти в комнату Маяковского. "Обождите, гражданочка. Там сейчас занято", - преграждал ей путь незнакомый мужчина в черном костюме. "Как это занято? - непонимающе спрашивала она. - Там же покойник". - "Не покойник, а тело пролетарского поэта. И не до вас нам сейчас: подозреваемую в убийстве допрашивают. Подождите, придет и ваша очередь".

"Подозреваемую в убийстве... - повторила про себя женщина. - Уж не ту ли молодую красавицу, которую Маяковский этим утром привез к себе? Так, кроме нее, у него сегодня вроде никого и не было... Значит, эта змеюка и застрелила жильца. Хорошо еще, что сбежать не успела. Ну ничего, следователи ее выведут на чистую воду. От правосудия она не отвертится..."

Допрос

- От правосудия вы не отвертитесь, - грозно сказал сидящий напротив Полонской человек в форме. - В ваших же интересах рассказать нам всю правду.

- Правду о чем? - никак не могла сообразить, чего от нее хотят, Полонская.

- О том, как вы... В общем, начните с самого начала. Как вы оказались в комнате Владимира Владимировича?

При этих словах следователь и Полонская одновременно посмотрели на

кровать, на которой в огромных, подкованных железными пластинами ботинках лежал мертвый Маяковский. Голова с чуть растрепанными волосами повернута к стене, на кремовой рубашке с левой стороны небольшое кровавое пятнышко...

- Не отвлекайтесь, гражданка. Ответьте на поставленный вопрос.

- Утром 14 апреля Владимир Владимирович в половине девятого заехал за мной на такси. Выглядел он очень плохо. Я пыталась как-то развеселить его: "Смотри, - говорю, - Володя, какое солнышко сегодня. А ты вчера о самоубийстве говорил. Давай забудем об этом?" А он отвечает: "Мне не до солнца сейчас. А глупости я бросил. Понял, что не смогу этого сделать из-за матери. А больше до меня никому дела нет".

- Гражданка Полонская, давайте без сантиментов! Так как вы оказались в этой комнате?

- Владимир Владимирович сам привез меня к себе. Он сказал, что нам надо серьезно поговорить. Когда я предупредила его, что у меня очень важная репе-

тиция в театре, на которую я не могу опаздывать, Маяковский закричал: "Опять этот театр! Я ненавижу его, брось его к чертям! Я не могу так больше, я не пушу тебя на репетицию и вообще не выпущу из этой комнаты!" И действительно запер дверь, спрятал ключ в карман и принался почти бегать по комнате. Требовал, чтобы я с этой же минуты, без всяких объяснений с Яншиным, осталась с ним здесь, в этой комнате. Ждать квартиры - нелепость, говорил он. Сегодня на репетицию мне идти не нужно. Он сам зайдет в театр и скажет, что я больше не приду. И с Яншиным он объяснится сам, а меня к нему больше не пустит. Маяковский убеждал, что своим отношением заставит меня забыть театр. Вся моя жизнь, начиная от самых серьезных сторон ее и кончая складкой на чулке, будет для него предметом неустанныго внимания.

- А вы? - сбросив с себя казенную серьезность, с любопытством спросил следователь.

- Я ответила, что люблю его, буду с ним, но не могу остаться, ничего не сказав Яншину. Я по-человечески достаточно люблю и уважаю мужа и не могу поступить с ним так. И театра я не брошу и никогда не смогла бы бросить. Вот и на репетицию я должна и

обязана пойти. "Значит, пойдешь на репетицию?" - спросил Володя. Я кивнула. "И с Яншиным увидишься?" - "Да". - "Ах, так! Ну тогда уходи, уходи немедленно, сию же минуту!" На мою просьбу хотя бы проводить меня он подошел ко мне, поцеловал и сказал совершенно спокойно и очень ласково: "Нет, девочка, иди одна... Будь за меня спокойна". Потом засмеялся чему-то, дал мне деньги на такси и закрыл за мной дверь. А через несколько мгновений раздался выстрел.

- Вы первая вошли в эту комнату? Сколько минут прошло между выстрелом и тем, как вы увидели тело?

- Когда я услышала выстрел, у меня подкосились ноги. Я кричала и металась по коридору, не могла заставить себя войти. Мне показалось, что прошло очень много времени, пока я решилась войти. Но, очевидно, я вошла через мгновение, так как в комнате еще стояло облачко дыма от выстрела. Владимир Владимирович лежал на ковре, раскинув руки. Глаза у него были открыты, он смотрел прямо на меня и все силился приподнять голову. Лицо, шея были красные. Потом голова упала, и он стал постепенно бледнеть...

- Гражданка Полонская, что с вами? Гражд... Врача, скорее врача! - закричал следователь, испуганно глядя, как женщина, только что отвечающая на его вопросы, медленно сползает со стула на ковер, на котором меньше часа назад еще лежало тело поэта.

Когда Полонскую привели в чувство, на ее руке была кровь. Вначале подумали, что она порезалась. Но оказалось, что это была кровь Маяковского.

Игорь ИЗГАРШЕВ

Р. С. В письменном столе покойного нашли посмертную записку, датированную 12 апреля 1930 г. Два дня Маяковский пытался побороть себя и найти силы жить дальше. В результате, из которого он застрелился, была всего одна пуля. Человека, догадавшегося бы вынуть эту пулю, рядом с поэтом не оказалось. И тогда Маяковский ушел сам. Даже во время похорон грузовик, везущий гроб на Новодевичье кладбище, из-за неопытности водителя ехал на слишком большой скорости и оторвался от толпы. Маяковский снова остался один.

"ТЕПЕРЬ все яснее становятся причины самоубийства Маяковского. Большинство знающих его близко говорит о сифилисе, которым он болел лет 5. Думая, что он выздоровел, Маяковский успокоился, но вдруг случилось что-то с носоглоткой, это осложнение обещало полную потерю голоса. Вчера на похоронах и Луначарский в своей речи коснулся этого важного обстоятельства... Я с очень многими говорил, кто знал Маяковского и его жизнь близко. Маяковский в последнее время чрезвычайно опустил, пил, развратничал, играл в карты азартно (обыграл Асеева до нитки) и т. д. Женщины его избаловали, он получал кучу пошлейших любовных писем, назначал свидания, предлагая ему тут же отдаться... Маяковский - крупный поэт. Но очень недалекий человек и притом - плохой. Крайний индивидуалист, эгоист, тщеславный и грубый, малокультурный и поверхностный. В последнее время он заметно выдыхался, все реже проявляя проблески таланта... Какая трагедия: с таким талантом выдохнуться в 36 лет!"

(Из письма В. Вешнева - М. Вешневой, 16 - 18 апреля 1930 г.)